

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 12–16
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 12–16
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

Научная статья
УДК [314.117.3+316.362.32](470+571)|18|

«Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права института правоохранительной деятельности, Zmelnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>, Author ID: 9064-2079

Аннотация. Сложные семьи – один из вариантов домохозяйства, объединяющего в своем составе несколько семейных пар. В силу ряда причин такого рода семьи длительное время пользовались поддержкой государства, помещиков и крестьянской общины. Однако после Великих реформ сложные семьи под влиянием социально-экономических процессов начали трансформироваться. В статье рассматриваются распространенность сложной семьи среди крестьянского населения Российской империи и ее изменения во второй половине XIX в.

Ключевые слова: крестьянская семья, домохозяйство, историческая демография, раздел, учет населения, Российская империя

Для цитирования: Мельников П. Ю. «Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 12–16. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Without division, it’s faster, but you will take a lot of sin on your soul”. A complex peasant family in the Russian Empire in the 19th century: Main development trends

P. Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Pavel Yu. Melnikov, Zmelnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>, Author ID: 9064-2079

Abstract. Complex families are one of the variants of a household that combines several married couples. For a number of reasons, such families enjoyed the support of the state, landlords and the peasant community for a long time. However, after the Great Reforms, complex families began to transform under the influence of socio-economic processes. The article assesses the prevalence of a complex family among the peasant population of the Russian Empire and its changes in the second half of the 19th century.

Keywords: peasant family, household, historical demography, division, population count, Russian Empire

For citation: Melnikov P. Yu. “Without division, it’s faster, but you will take a lot of sin on your soul”. A complex peasant family in the Russian Empire in the 19th century: Main development trends. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В одной из работ позднесоветского периода известный демограф А. Г. Вишневский писал: «В демографии существует давняя традиция: анализируя и интерпретируя наблюдаемые тенденции воспроизводства населения, исследователи стремятся рассматривать их в контексте исторических изменений, понять, как интересующие их процессы – рождаемость, брачность,

смертность и т. д. – выглядели в прошлом... Опыт показывает, что, конструируя такой «образ прошлого», демографы не всегда опираются на прочный фундамент исторического знания, нередко населяют прошлое мифическими единорогами или животными с двух головами» [1, с. 29].

В числе таких мифов Вишневским были названы многодетность, центральное место се-

мьи в жизнедеятельности человека, центральное место детей в семье, сознательное стремление к многодетности, экономическая и социальная полезность детей и ряд других, среди которых на первом по порядку месте автор поместил тезис о повсеместном преобладании сложной, многопоколенной семьи. Следует отметить, что распространенность этого тезиса не была принята всеми научными дисциплинами. В работах историков, этнографов советского периода можно встретить и совершенно иные точки зрения. По большому счету вопрос о приоритете в определенный момент исторического развития какого-то типа семьи до настоящего момента в науке остается открытым. Однако за последние несколько десятилетий (работа Вишневого была напечатана в 1988 г.) идея большой семьи перешла со страниц академических изданий на страницы официальных государственных деклараций и заняла там прочные позиции. Большая семья стала неким идеальным символом ушедшего семейного уклада и входит в набор так называемой «традиционной семьи» и «традиционных семейных ценностей», поддержку которых активно провозглашают политики, церковные деятели, консервативные публицисты. Следует отметить, что сам термин «традиционная семья» – конструкция скорее публицистическая, нежели научная; определения «традиционная семья» основные научные энциклопедии (БРЭ, БСЭ, историческая энциклопедия, Брокгауз и Ефрон, Британика) не дают и этим понятием не оперируют. Суммируя многочисленные разрозненные характеристики, можно выделить ряд признаков, которыми наделяют традиционную семью. Не вдаваясь в детализацию (это тема отдельной работы), можно отметить, что к такого рода чертам относится многопоколенность семейного коллектива. «Большая многопоколенная семья в традиционной российской семейной культуре всегда была основным типом семьи, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников» [2]. «Русская Православная Церковь неизменно поддерживает многодетную многопоколенную семью как основу государства и общества», – подчеркнул председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Феодор Лукьянов на заседании Общественной палаты при обсуждении статуса многодетной семьи [3]. Возникает естественный вопрос о распространенности такой многопоколенной семьи в дореволюционной России и об ее эволюции.

Вначале необходимо определиться с терминологией. Во-первых, применительно к семейному коллективу в научной литературе равно используются термины «семья», «домохозяйство» и «двор» (поскольку в подавляющем большинстве случаев речь шла о группе близких родственников, живущих под одной крышей и объединенных

экономически). В историко-демографической литературе охотнее применяют термин «домохозяйство»; в исторической (особенно посвященной XVII в. и более ранним периодам) используют термин «двор»; в историко-правовой литературе чаще говорится именно о «семье». Однако эти термины в принципе взаимозаменяемы. Во-вторых, применительно к собственно большой семье (в смысле – состоящей из нескольких супружеских пар и включающей в себя несколько поколений) исследователи могли употреблять термины «большая семья», «сложная семья», «многопоколенная семья», «отцовская семья в три поколения», «усеченная отцовская семья», «семейная община» [4, с. 164]. Зачастую эти различия приводили к несопоставимости авторских выводов. В англоязычной литературе для сложных семейных структур применяется термин «joint family» – «совместная семья» [5]. В данной статье будет использоваться наиболее популярная в постсоветской литературе терминология Питера Ласлетта. Она обозначает такие структуры, как «multiple family» – сложные семьи (иногда переводят как «составные»). К таковым относятся домохозяйства, включающие две и более супружеские пары в различных вариантах родства и соподчинения (подтипы 5 а – 5 д) [6, р. 30–31].

Как уже отмечалось, вопрос о приоритете в прошлом конкретного типа семьи наукой еще не решен окончательно. Существует много локальных исследований, привязанных к определенному региону и хронологическому периоду. Кроме того, авторы использовали различную методику подсчета, что требовало соответствующей корректировки. Основной тренд выглядит следующим образом. Исследования советского периода преимущественно склонялись к точке зрения о преобладании в дореволюционный период малой, супружеской семьи. Такая оценка применялась для районов Севера (XVI–XVIII вв.), северо-западных регионов (XVI–XVII вв.), Западной Сибири (XVIII–XIX вв.), частично – Среднего Поволжья и считалась общераспространенной [7].

В постсоветский период этот подход был подвергнут существенной коррекции. Во-первых, по мере возможности разноплановые данные были пересчитаны Б. Н. Мироновым и сведены воедино (в качестве стандарта использовалась ставшая популярной классификация Ласлетта). В результате пришли к следующему выводу: «...В губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI – первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях» [8, с. 10]. Во-вторых, стали доступны отдельные исследования зарубежных

авторов. Как правило, их научный интерес касался периода конца XVIII – первой половины XIX в., а обработка данных была стандартизирована. В основном исследователи склонялись к признанию за сложной семьей доминирующей позиции в центральных районах империи; в качестве объектов исследования использовались села Ярославской, Тверской и Московской губерний, минимальная доля сложных домохозяйств в них находилась на уровне 30%, однако в большинстве наблюдений присутствуют более внушительные цифры – от 66 до 86% [8, с. 8–9]. В-третьих, эти выводы согласовывались с новыми исследованиями постсоветского периода, которые также подтвердили преобладание (но не повсеместно) среди крестьянства первой половины XIX в. сложной семьи: три села Тамбовской губернии – от 55 до 77% [9, с. 91–96], немецкая колония Пфайзер в Саратовской губернии – 48% [10, с. 90], с. Воцажниково Ярославской губернии – от 23 до 30% [11, с. 148].

Как можно заметить, особый интерес исследователи проявляют к периоду первой половины XIX в. Это объяснимо с точки зрения доступности и информативности необходимой источниковой базы. Для описания семейной структуры авторы в подавляющем большинстве случаев использовали ревизские сказки – материалы переписей фискального характера. К XIX в. бланки переписей стандартизируются. Они начинают учитывать не только мужское, но и женское население, а периодичность ревизий дает возможность наблюдать изучаемый объект в динамике. Семья же второй половины XIX – начала XX в. изучена значительно слабее. С одной стороны, данный период гораздо динамичнее предшествующей половине столетия, отмечен множеством перемен в самых разных областях государства и общества, включая такой консервативный институт, как семья. С другой стороны, интерес исследователей наталкивается на недостаток исторического материала. Последняя ревизия была проведена в 1858 г., после чего общегосударственные периодические переписи прекратились почти на четыре десятилетия. Частное помещичье хозяйство приходило в упадок, что соответственно влекло за собой уменьшение учетной документации, из которой и черпалась информация о семейной структуре. Первичные материалы первой всероссийской переписи 1897 г. согласно инструкции были уничтожены, а обобщенные результаты дают слишком большой простор для интерпретации.

Аналогичная картина наблюдается применительно к материалам земских сельскохозяйственных переписей и сельскохозяйственной переписи 1915 г. В итоге исследования по структуре пореформенной семьи носят эпизодический характер, отталкиваясь от случайно сохранившихся документов. В магистерской диссертации Хардисх Колле рассмотрена семейная структура двух сел

Московской губернии – Дракино и Спас-Коркотино; источником послужили первичные материалы земских сельскохозяйственных переписей за 1869 и 1886 гг. Согласно подсчетам Хардисх Колле в 1869 г. доля сложных семей в этих двух селениях была равна 42,5% в Дракино и 53,2% в Спас-Коркотино, а в 1886 г. – 42,3% и 62,5% соответственно [12, р. 52, 56].

В. А. Зверев для оценки домохозяйства в Западной Сибири использовал сохранившиеся первичные материалы переписи 1897 г. по четырем округам Тобольской губернии (общий объем – 3128 наблюдений); общая доля сложных семей в указанном регионе – 25,4% [13, с. 68]. Аналогичные документы используются в докторской диссертации М. В. Борисенко. К сожалению, автор применяет собственную классификацию семей из 11 групп, в которой трудно отделить семьи расширенные от сложных. Их совместная доля в 6 деревнях Тарского уезда Тобольской губернии колеблется от 37 до 55%, в среднем – 49,4%. Иными словами, сложная семья в данном регионе не доминирует, что в принципе совпадает с заключениями Зверева [14, с. 312].

В Саратовской губернии по выборочным данным земской сельскохозяйственной переписи (5036 единиц наблюдения в четырех уездах – Камышинском, Петровском, Хвалынском и Кузнецком) сложные семьи составили 33,8% домохозяйств¹. Об уменьшении доли сложной семьи можно сделать предположение и на основании обобщенных данных: во второй половине XIX в. средний размер крестьянского домохозяйства в России уменьшился с 8,4 до 6,1 чел., впрочем, точная статистическая закономерность между размером семьи и ее структурой пока не установлена. Таким образом, существующие данные позволяют говорить об постепенном уменьшении доли сложных семей и росте числа семей малых.

Уменьшение доли сложных крестьянских домохозяйств во второй половине XIX в. было напрямую связано с резким увеличением количества семейных разделов. Сами по себе разделы не были изобретением пореформенного периода – они существовали и раньше, однако воспринимались отрицательно и по мере сил сдерживались. Причина очевидна: сложная семья обладала большим количеством рабочих рук и потому представлялась более надежной экономической единицей. Потеря одного или даже нескольких работников (что в условиях традиционной демографической модели являлось печальной нормой) не была для такой семьи фатальной в отличие от семьи малой. Обратной стороной медали была неизбежная сложная внутрисемейная обстановка, вытекавшая из принципа всевластия домохозяина; это касалось всех членов семьи и особенно пришедших в семью снох, о тяжелой судьбе которых сложено множество пословиц («свекор гроза, а свекровь выест глаза», «свекор журлив и драчлив, свекровь

журлива и ворчлива, золовка – смутьянка, деверь – пересмешник» [15, с. 41]).

В итоге сложная семья для ее членов становилась своеобразной компромиссной конструкцией. С одной стороны, очевидным был более высокий уровень жизни, устойчивость перед экономическими трудностями, гарантированное получение доли общего имущества; с другой – сложный психологический климат, необходимость жертвовать личным интересом во имя общего блага. Эта двойственность отлично иллюстрируется наблюдением современника: «Спросите любого из здешних крестьян, где лучше работать, в большой ли или в малой семье, он ответит вам всегда одно и то же: “В большой семье беспример лучше робить”... Но предложите крестьянину вопрос: “А где лучше жить – в большой семье или в маленькой?” И он вам тот час же ответит: “Не приведи бог никому жить в большой семье!”» [16, с. 65].

Однако в соотношении этих полюсов вмешивался еще один значимый фактор – административный, который однозначно принимал сторону сложной семьи. Частновладельческим крестьянам разделы постоянно запрещала помещичья администрация [17, с. 300–302]. Государству также было выгоднее иметь дело с большой по составу семьей – она более безболезненно выполняла особо тяжелую рекрутскую повинность, поэтому разделы разрешались только в случаях, если вновь образованное домохозяйство будет включать не менее трех полноценных работников [18, с. 83; 19, с. 224]. Консервативное крестьянское общество в подавляющем большинстве споров брало сторону большака, не допуская выделения малых семей (по тем же экономическим соображениям). Итог – количество сложных семей в большинстве наблюдений явно превышало число семей малых.

После Великих реформ, затронувших все стороны российского общества, ситуация начала меняться. Помещичий контроль над крестьянами принципиально уменьшился; рекрутчина с 1874 г. была заменена всеобщей воинской повинностью, которая в меньшей мере учитывала семейный статус призванного. Более того, новая система комплектования армии в отличие от рекрутской предполагала возвращение отслуживших солдат в прежние семьи. Однако именно такие вернувшиеся со службы запасники приносили в патриархальный крестьянский мир нравы и привычки города, задавали иной стандарт поведения и активнее выступали инициаторами разделов: «Как солдат со службы придет, так и прочь», «солдат не работник, как придет, так и прочь», «солдат – он какой – колкий», «как всех в солдаты стали брать – чаще начали делиться», «солдат с мужиком жить нешто станет» [20, с. 27–28].

Влияние индивидуалистического сознания проникало в деревню и с отходниками, количество которых возрастало в пореформенное время.

Наконец, позиция малой семьи усиливалась по мере ослабления власти большака и крестьянского мира. Очень часто препятствием к разделу служило банальное физическое насилие: «...Старики призывали обыкновенно к себе на суд обе стороны... и сначала “полегоньку совестили их”, советуя не расходиться, “не нарушать хозяйства”, “жить в ладу”, “угождать друг другу”... Если же эти увещевания ни к чему не приводили, то старики нередко принимали крутые меры и приказывали “выдрать” сына на сходе, при всем честном народе...» [21, с. 277]. В пореформенный период такие практики сошли на нет. Итог – рост количества семейных разделов, отмеченный многими современниками. При этом описательные эмоциональные формулировки («у нас почти все поделились», «единственный женатый сын желает жить отдельно») не совпадают с приведенными выше цифрами, по которым доля сложных семей в конце XIX в. могла занимать от 25 до 50% всех домохозяйств. Видимо, наблюдаемый современниками процесс разделов сильно отличался от привычной им картины мира и потому вызывал такие трагические оценки.

Иными словами, во второй половине XIX в. в структуре крестьянской семьи стали происходить существенные сдвиги. Повышение мобильности, новые нормы поведения и стандарты жизни, позаимствованные из города, устранение административных факторов привели к изменению приоритетов младших членов сложного домохозяйства. Если раньше побеждал коллективистский подход, то теперь на первое место выходил подход индивидуалистический, который брал вверх над возможными неблагоприятными экономическими последствиями. Попытки административными усилиями удержать большую семью от разделов (например, закон 1886 г.) сколь-либо серьезных результатов не дали – процесс продолжался вопреки действующим установлениям. Здесь теория резко расходилась с практикой, о чем свидетельствовали лица, хорошо знакомые со следующей ситуацией: «Когда к земскому или к старшине приходят отец с сыном или два брата с разрешением делиться, знайте, что они уже разделились... Ни уговорами, ни административными карами вы их более не соедините в одну семью», – утверждал один из земских начальников [22, с. 48]. Естественно, процесс перехода был медленным, однако тренд его был очевиден: семья сложная медленно уступала место семье простой, супружеской. Современники сетовали о безвозвратно ушедшем идеальном прошлом [23, с. 58–63], однако жизнь неуклонно диктовала свои правила. Интерес государства был в одном, но интерес конкретного человека ему явно противоречил и в конечном итоге брал верх. Все это напоминает современность с той разницей, что сложная семья в нынешний период российского общества немногочисленна, а публицисты апеллируют к временам, которые сами

не застали; присутствует та же апологетика сложных семей, то же желание противодействовать пошатнувшимся нравам и стремление опереться на институты ушедшего «золотого века». Можно уверенно констатировать – результат будет нулевой. Семья, как и любой другой институт, существует не сама по себе, она вписана в окружающий ее мир со всей его спецификой. Изменение внешних условий – экономических, юридических, социальных – неизбежно повлечет за собой ее эволюцию и выработку варианта, соответствующего окружающему миру.

Примечания и комментарии

¹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356 (расчеты мои. – П. М.).

Список литературы

1. Вишневецкий А. Г. Образ прошлого в демографической литературе // Историческая демография: проблемы, суждения / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : Наука, 1989. 286 с.
2. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Председатель патриаршей комиссии по вопросам семьи принял участие в обсуждении статуса многодетной семьи в общественной палате РФ. URL: <https://pravoslavie.ru/138234.html> (дата обращения: 30.01.2022).
4. Мельников П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв.: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166>
5. Британика. URL: <https://www.britannica.com/topic/joint-family> (дата обращения: 30.01.2022).
6. Laslett P., Wall R., eds. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. Cambridge : Cambridge University Press, 1972. 623 p.
7. Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.
8. Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. Вып. 3. С. 3–29.
9. Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А., Морозова Э. А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская

губерния, XIX – начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. : материалы Международной конференции (Тамбов, май, 2002). Тамбов : Издательство ТГУ, 2002. С. 83–101.

10. Гальперина Ю. С. Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушка (Пфайфер) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 88–93.

11. Деннисон Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вожажниково в 1836–1858 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 1. С. 147–154.

12. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history. Bergen : University of Bergen, 1995. 97 p.

13. Зверев В. А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 63–70.

14. Борисенко М. В. Локальные параметры семейно-дворового строя крестьян Западной Сибири конца XVI – начала XX вв. (по материалам Тобольского и Тарского уездов): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 471 с.

15. Желобковский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества: Историко-литературный очерк. Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1892. 63 с.

16. Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: в 3 вып. / под ред. Н. Харузина. М. : Высочайше Утвержд. Т-во Скоропечати А. А. Левинсон, Комиссионеры Императорского общества любителей естествознания в Москве, 1891. Вып. 3. 146 с.

17. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М. : Наука, 1976. 324 с.

18. Свод законов Российской империи, повелением государя Николая Первого составленный (далее – СЗРИ). СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Кн. 3. § 486. 591 с.

19. СЗРИ. Т. 4. Кн. 1. Уставы рекрутские. § 907. Ст. 3. 846 с.

20. Личков Л. С. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии. Саратов : Статистическое отделение Саратовской губернской земской управы, 1885. 34 с.

21. Добротворский Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии (уезды Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский и Ковровский) // Юридический вестник. 1889. Т. 2. С. 327–363.

22. Новиков А. Записки земского начальника. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 240 с.

23. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневецкого. М. : Новое издательство, 2006. 608 с.

Поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 10.11.2022